

СРАВНИВАЯ НАСИЛИЕ: СЛУХИ О КРАЖЕ ОРГАНОВ В ЧЕЧНЕ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ. Резюме

Амандин Регамэ

В начале 2000-х годов в истерзанной войной Чеченской республике распространились слухи, будто российские федеральные войска похищали молодых людей, извлекали и продавали их органы. За пределами Чечни эта история стала известна в результате так называемого «дела четверых из Аргуна», когда в марте 2001 года представители МЧС передали для захоронения жителям села Пригородное четыре обнаженных мужских тела с явными следами вскрытия. Выяснилось, что эти люди были арестованы во время массовой операции российских вооруженных сил в Аргуне 11–14 марта (Мемориал 2001б). Прежде чем похоронить тела, местные жители зафиксировали их на фото- и видеозаписи и разослали журналистам и неправительственным организациям в уверенности, что вскрытия делались, чтобы извлечь внутренние органы для трансплантации.

Слухи как форма коммуникации, особенно действенная в ситуациях кризиса и нестабильности, давно изучаются в социальных науках (Prasad 1935; Нарский и др. 2011; Voltanski 2012). По мнению Дж. Беннет, слух о краже органов – это пример «современной легенды» (Bennet 2005), и в своей статье я использую эти термины как синонимы.

Сходные слухи о торговле органами появляются и в других местах вооруженных конфликтов или в условиях социального насилия и крайней бедности. В работе чеченские слухи о краже органов, распространившиеся в начале 2000-х годов, сравниваются с аналогичными случаями из Латинской Америки. Можно назвать по меньшей мере три причины, которые подсказывают такое сопоставительное направление работы:

Во-первых, структура и механизмы распространения слухов о краже органов в Латинской Америке и в Чечне схожи, и поэтому сравнение помогает понять, как конструируются такие легенды, какой способ мышления за ними стоит.

Во-вторых, распространение слухов – это прежде всего способ проговаривания травматического опыта. В Чечне доступ к полю затруднен, поэтому выводы, сделанные на похожем материале, могут прояснить, какую роль играют эти легенды для тех, кто их пересказывал.

В-третьих, сравнительная перспектива может помочь проследить эффекты, связанные с распространением слухов. Распространение некоторых слухов в Латинской Америке, например, послужило поводом для принятия ряда международных документов, в то время как чеченские слухи официально на международном уровне не обсуждались. Различия между этими случаями помогают определить,

каким образом обсуждение подобных вопросов выходит на уровень международной дискуссии.

ЛЕГЕНДЫ О КРАЖЕ ОРГАНОВ: СТРУКТУРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ, ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ

Несмотря на то, что я несколько раз была на Северном Кавказе в начале 2000-х годов, я не занималась тогда систематической регистрацией слухов о краже органов в Чечне, и это исследование основано на «следах» информации, обсуждений, экспертных заключений, сохранившихся в интернете¹. Из разнообразных вариаций повторяющегося сюжета можно восстановить единую историю и исследовать ее структуру, логику и способы мышления, которые объясняют, как она возникла и циркулировала.

В Гватемале в 1993 году слухи об убийствах детей ради продажи их органов быстро распространялись, обрастая подробностями. В Чечне история четверых из Аргуна привела к широкой циркуляции рассказов о налаженной системе извлечения органов на продажу в госпитале на военной базе в Ханкале, для чего туда, якобы, доставляли молодых и здоровых людей. Подобные слухи, вероятно, существовали и до аргунского случая, и потому повреждения, обнаруженные на телах, были интерпретированы именно как последствия извлечения органов.

Все истории, попавшие в поле моего зрения, состоят из трех последовательных частей: похищение людей, медицинское вмешательство, обнаружение тела с недостающими органами. В Бразилии подробно описываются первая и третья фазы, но относительно второй остается пространство для домыслов (Scheper-Hughes 2000:201). В чеченских слухах, как и в бразильских, присутствует вмешательство внешних сил, которые, якобы, наживаются на торговле органами. В Латинской Америке за этим видели интересы стран «первого мира», в случае Чечни ответственность возлагается на российскую военную элиту и спецслужбы. Указание на вмешательство внешних сил превращает легенду в удобное средство пропаганды. В 1980-е годы США обвиняли в распространении подобных слухов СССР. В Чечне слух о том, что российская элита занимается торговлей органами, обсуждался на сайте Мовлади Удугова в более широком контексте осуждения сионистов и неверных, а также криминализации российского общества и государства (Кавказ-Центр 2001).

Тем не менее, было бы упрощением рассматривать слухи о краже органов только как пропаганду. И в Чечне, и в Латинской Америке они оказались важным средством получения информации в условиях, когда доверие официальным источникам было подорвано. По версии Прокуратуры РФ, тела четверых молодых людей из Аргуна были вскрыты в морге в ходе стандартной патологоанатомиче-

---

¹ Я собирала информацию в своих поездках по Ингушетии, а также смотрела информационные сайты (<http://www.novayagazeta.ru>; <http://rferl.org>; <http://www.bbc.co.uk/russian>), независимые чеченские сайты (<http://kavkaz.org>; <http://chechenpress.org>) и сайты правозащитных организаций (<http://memo.ru>; <http://www.watchdog.cz>) и обществ солидарности с Чечней (<http://tchetcheniparis.free.fr>). Кроме того, я изучала архивы рассылок, посвященных Чечне, разговаривала со своими чеченскими знакомыми, Александром Черкасовым из ПЦ «Мемориал» (июнь 2012) и кинодокументалистом Милен Солэ (апрель 2012).

ской процедуры после того, как их обнаружил милицейский патруль. Но в Чечне начала 2000-х годов слухам доверяли больше. Отсутствие надежных источников информации способно убедить людей не только в том, что официальные источники лгут, но и в том, что альтернативные сведения правдивы.

Слухи отвергают медицинское объяснение и опираются на подозрительные моменты. Неясные обстоятельства получают статус полноправных доказательств действия скрываемых причин. Людям свойственно верить в «теории заговора», которые «возникают в случаях жестоких или неожиданных происшествий», «привлекают внимание ко “лжи”, “замалчиваниям”, “несоответствиям”, “темным местам” в официальной версии событий и явно или неявно предполагают истинность альтернативной версии» (Chueca 2012:3).

Легенда вокруг аргунской истории основана и на «подозрительном» поведении официальных лиц – военных и сотрудников МЧС. Когда грузовик МЧС доставил тела на кладбище, дорогу туда тут же перекрыл военный патруль, отказавшийся отвечать на вопросы. Этого, возможно, немотивированного действия военных оказалось достаточно для возникновения подозрений.

Как только события интерпретируются как кража органов, факты, входящие в противоречие с этой трактовкой, начинают игнорироваться. Медицинское исследование опровергло версию извлечения органов (Мемориал 2006). Однако на распространение слухов это не повлияло. Тот образ мышления, в котором зарождаются и воспроизводятся слухи, отдает предпочтение вере, а не рациональным доводам, и напоминает логику веры в колдовство. Рациональные аргументы могут объяснить, как что-то произошло, но не почему. Когда в ситуации замешаны ужас, горе и насилие, рациональных доводов недостаточно для объяснения.

Люди в Чечне понимали, что федеральные войска задерживали молодых здоровых мужчин, потому что искали боевиков. Но война принесла столько горя и страданий, что приемлемым объяснением оказалась именно версия, согласно которой молодых и здоровых выбирали в качестве жертв ради органов.

СЛУХИ КАК ПРОГОВАРИВАНИЕ ОПЫТА

Чтобы понять, что люди хотят сказать, надо взглянуть на истории, в которые они «вкладывают ценности и значения, наиболее убедительно передающие их чувства и мысли» (White 2000:30). Задача исследования при этом заключается не в том, чтобы доказать истинность или ложность этих историй, а в том, чтобы понять, какой тип опыта выражается при помощи этих историй.

Слухи возникают, чтобы объяснить непонятное, выразить неуловимые страхи и смутно ощущаемые угрозы. В ситуациях, когда сходные переживания разделяются всем сообществом, слухи оказываются наилучшим способом для их выражения.

Появлению слухов в Чечне могла способствовать противоречивость поступков федеральных войск. Проведение патологоанатомического вскрытия нескольких тел – процедуры, которая, как правило, ставит задачу выяснить истинные причины смерти, – было воспринято по контрасту с обычным утилитарным отношением к телам убитых чеченцев (тела скидывали в общие могилы, преступления не расследова-

лись). Логичной при этом могла показаться интерпретация, согласно которой вскрытие имело иные, чем официально указываемые, мотивы, а именно: тела просто оказались для чего-то нужны.

Убежденность в том, что чеченцев убивают с целью извлечения органов – часть дискурса о войне в Чечне как войне, направленной на истребление чеченского народа. В Латинской Америке в центре подобных историй находятся дети, в Чечне – молодые мужчины. В обоих случаях речь идет об угрозе способности группы воспроизводиться. В аналогичных слухах с пленными в Ливане Фадия Нассиф Тар Ковач видит чувство крайнего унижения, когда человек низводится до уровня объекта, имеющего исключительно утилитарную ценность (Nassif Tar Kovacs 1988:73).

Расследования слухов о краже органов подтверждают существование торговли людьми, но не органами. В легендах смешиваются вымысел и реальность, информация о черном рынке «лишних детей» для усыновления сливается со слухами о рынке «лишних органов» в единую зловещую историю (Scheper-Hughes 2000:201–202). В начале 2000-х годов в Чечне вокруг российских военных баз существовали точки торговли (здесь продавали оружие, бензин), но значительные суммы извлекались и в качестве выкупа за освобождение задержанных во время операций по зачистке (см., например: FIDH/Memorial 2000). Подтверждались также случаи продажи тел родственникам, которые хотели их похоронить (Мемориал 2001a). Мертвые тела становились предметом торговли, а от этого факта остается один шаг до идеи о том, что внутренние органы убитых тоже могут быть проданы.

Слухи распространяются, потому что «на неопределенном уровне между фактом и метафорой они правдивы» (Scheper-Hughes 1996:5). Вслед за Мэри Дуглас можно рассматривать тело и отделенные от него органы как метафору распадающегося общества (Douglas 1966). В слухах проговаривается материальная сторона жизни в состоянии кризиса. Распространение слухов о краже органов в Бразилии свидетельствовало о социальном насилии, которое испытывают беднейшие, в том числе насилии, осуществляемом над телами. Они не могут позволить себе хорошее медицинское обслуживание и опасаются, что в больнице их органы заберут в качестве платы за лечение.

В Чечне война разрушила систему медицинского обслуживания. Имеющиеся сведения об общем состоянии здоровья населения создают впечатление, что целый народ находится в состоянии болезни и упадка. Многие преждевременно состарились из-за лишений, и после первой войны некоторые женщины обратились к пластической хирургии, чтобы посредством манипуляций с собственным телом, в своей собственной трагической истории поставить точку в войне и уничтожить ее последствия (Baiev 2003:233). Для людей, которые чувствуют, как война разрушает не только коллективное тело их общества, но и их собственные тела, истории о краже органов оказываются подходящим способом выразить свои переживания.

СУДЬБА ЛЕГЕНДЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Нэнси Шепер-Хьюз рассматривает слухи о краже органов как «суррогатную форму политического свидетельства» тех, кого обычно не приглашают выступить перед

официальными комиссиями (Scheper-Hughes 1996:9). Участники аргунской истории, между тем, создали документальные доказательства и отправили их в ПЦ «Мемориал» в Москве, требуя расследования.

Представители «Мемориала» передали записи медицинским экспертам, то есть обратились к авторитету медицины и медицинским аргументам, чтобы опровергнуть версию кражи органов. С медицинской точки зрения органы для пересадки нельзя взять из любого тела, донор должен быть здоров и проверен на совместимость с реципиентом. Однако, когда речь идет о краже органов, медицинские доводы особенно уязвимы. Врачи играют здесь двойственную роль (и судей, и подозреваемых в преступлении), что подрывает доверие к их аргументам.

Правозащитные организации также оказались в трудном положении. Игнорировать истории о краже органов невозможно. Проверить их трудно, но необходимо, потому что они могут оказаться пропагандой. В то же время они так чудовищны, что выказать сомнение в их подлинности означает взять на себя огромную ответственность, да и вряд ли это сомнение будет услышано, а опровержения не будут сочтены голословными. В Латинской Америке международные организации заняли различные позиции: от осторожного выжидания до попыток распространять опровергающую информацию среди населения. «Мемориал» решил не предавать чеченское дело гласности, поскольку в нем не было убедительных доказательств.

Слухи о краже органов в Чечне вызвали разную реакцию вне России. Одни высказали недоверие по поводу факта изъятия органов, другие напомнили, что в сороковых годах информация об уничтожении евреев в гитлеровской Германии тоже воспринималась как «слухи». Отсылки к Холокосту, всплывшие в ходе обсуждения чеченского случая, подтверждают, что проблема может стать частью международной дискуссии, только если она связана с глобальными актуальными вопросами времени.

Международное внимание к слухам о краже органов в Латинской Америке в 1980-е годы объяснимо в контексте холодной войны: коммунистические газеты использовали эти истории в кампании против США. В январе 2011 года Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла резолюцию о Косово, в которой упоминалось о краже органов у заключенных на Албанской территории, и о перемещении их за рубеж с целью трансплантации. В отличие от Косово, где присутствовало прямое вмешательство западных стран, в случае Чечни ни одна политическая группа не оказалась заинтересована в использовании такого рода информации для выступления против России.

ПАСЕ, у которой нет такого ресурса, как международные суды для расследования подобных вопросов, вынуждена опираться на личные свидетельства и зависима от интерпретаций локальных акторов, объективность которых не гарантирована. В начале 2000-х годов международные организации считали единственным надежным независимым источником информации о происходящем в Чечне правозащитные организации, которые там работали. Эти организации не доверяли слухам о краже органов, а значит, у этих историй не было шансов выйти на международный уровень.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение слухов о краже органов, возникающих в разных контекстах, поднимает методологические вопросы, давно занимающие фольклористов, антропологов и историков:

Во-первых, как объяснить сходства в содержании и структуре легенд, возникающих на разных континентах? Распространение слухов между странами через СМИ прибавляет убедительности и без того очевидной интерпретации, но это лишь частичное объяснение. Может быть, сходные контексты насилия и страха порождают сходные типы слухов, в которых выражается общечеловеческий страх распада тела и разрушения личности?

Во-вторых, что следует сравнивать: текст и формальное содержание слухов или их смыслы? Если говорить о тексте, то в этом отношении слухи о краже органов в Чечне схожи со «страшилками» об «украденной почке», которые рассказываются всякий раз, когда речь идет об экстремальном туризме (поездке из более благополучных в менее благополучные страны): богатый турист после посещения страны третьего мира, через какое-то время обнаруживает, что у него нет почки. Обе истории выражают страх перед развитием медицины и коммодификацией тел. Однако «страшилки» о краже почки отражают отношение к бедности в экономически развитых странах. В обществах же, переживающих серьезный кризис или войну, такие слухи отражают страх насилия и исчезновения группы, и поэтому сравнение чеченских слухов с историями о торговле детьми в Южной Америке более уместно.

В-третьих, верят ли люди в истории, которые они рассказывают? Если нет, почему они продолжают их распространять? Я бы предположила, что верят не все и не всегда. Однако, даже если те, кто распространял слухи в Чечне, на самом деле не верили в них, именно эти ужасающие истории позволили этим людям выразить тот страшный опыт насилия, которому подверглось их общество, и передать словами разрушительное влияние войны на их тела и души.

Резюме составлено и переведено на русский язык Александрой Касаткиной

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кавказ-Центр. 2001. «Кремль торгует человеческими органами». 3 апреля. Просмотрено 29 июня 2012 г. (<http://babouchka.net/old.kavkazcenter.com/news/2001/04/05/news5.htm>).
- Мемориал. 2001а. «Трупы у Ханкалы – неопровержимое доказательство военных преступлений федеральных сил». 5 марта. Просмотрено 29 июня 2012 г. (<http://memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/hankala/hankala.htm>).
- Мемориал. 2001б. «Четверо жителей Аргуна, задержанные в ходе “зачистки” этого города, были обнаружены мертвыми». Март. Просмотрено 29 июня 2012 г. (<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/n-caucas/argun/NRargun.htm>).
- Мемориал. 2006. *Здесь живут люди. Чечня: хроника насилия. Часть 2–3. Январь–июнь 2001*. М.: Звенья. Просмотрено 29 июня 2012 г. (<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/jzl20/index.htm>).
- Нарский, Игорь и др., ред. 2011. *Слухи в истории России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории*. Челябинск: Каменный пояс.
- Baiev, Khassan. 2003. *The Oath: A Surgeon Under Fire*. London: Walkerbooks.

- Bennet, Gillian. 2005. *Bodies: Sex, Violence, Disease, and Death in Contemporary Legends*. Jackson: University of Mississippi Press.
- Boltanski, Luc. 2012. *Énigmes et complots: une enquête à propos d'enquêtes*. Paris: Gallimard.
- Chueca, Miguel. 2012. "De quelques idées reçues sur les 'théories du complot' et de quelques arguments pour y objecter." *Revue Agone* 47. Retrieved June 22, 2012 (<http://revueagone.revues.org/1050>).
- Douglas, Mary. 1966. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge and Kegan Paul.
- FIDH/Memorial. 2000. "Tchéchénie: crimes contre l'humanité. Un an de crimes impunis." October. Retrieved June 29, 2012 (<http://www.fidh.org/IMG/pdf/tch2410.pdf>).
- Nassif Tar Kovacs, Fadia. 1988. *Les rumeurs dans la guerre du Liban: Les mots de la violence*. Paris: CNRS.
- Prasad, Jamuna. 1935. "Psychology of Rumor: A Study Relating to the Great Indian Earthquake of 1934." *British Journal of Psychology* 26:1–15.
- Scheper-Hughes, Nancy. 1996. "Theft of Life: The Globalization of Organ Stealing Rumors." *Anthropology Today* 12(3):3–11.
- Scheper-Hughes, Nancy. 2000. "The Global Traffic in Human Organs." *Current Anthropology* 41(2):191–224.
- White, Luise. 2000. *Speaking with Vampires: Rumor and History in Colonial Africa*. Berkeley: University of California Press.